

В. А. Слугина

**ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИСЯЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
НАРОДОВ СИБИРИ В XVII В.***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-92-100

УДК 94(571)“16”

ББК 63.3(253)45

С начала XVII в. по указаниям центральной власти в отношении народов Сибири начинают применять практики приведения ясачного населения к присяге — шерти, которая фиксировала подданнический статус присягнувшего по отношению к российскому монарху. Прецедент принесения присяги давал основание российской стороне апеллировать к ней в случае конфликтов или для их предотвращения при переговорах с представителями народов Сибири. На основании анализа делопроизводственных источников в настоящей статье выявлено, что, помимо пролонгации присяжных обязательств сибирских народов, которая осуществлялась через новое шертование по случаю смены российского монарха на престоле (а в отношении кочевых народов Сибири повторные присяги проводились и в случае смены предводителя их объединения), апелляции к присяжным обязательствам осуществлялись также при смене российского воеводы в российских городах через процедуру оглашения «жалованного слова» и в многочисленных практиках переговоров по случаю «измен» — вооруженных восстаний и побегов иноземцев на неподвластные российской власти территории. Возвращение к прежним мирным условиям сосуществования реализовывалось через процедуру повторного шертования. Автором установлено, что ко второй половине XVII в. обе стороны политической коммуникации — представители царской администрации и сибирские иноземцы — выработали устойчивые тактики поведения в отношении процедур пролонгации и возобновления действий присяг, однако интерпретировали значение этих шертей-присяг по-разному.

Ключевые слова: *присяга, шерть, подданство, народы Сибири, XVII в.*

В последнее двадцатилетие значительно возросло число работ, посвященных изучению правовой составляющей взаимоотношений российской власти с подвластным населением. Актуализированными оказались вопросы происхождения инструментов фиксации правовой связи между населением и правителем в Древней Руси, Российском государстве и империи. Вопросы установления форм политической зависимости, роль клятв верности и присяг в становлении института подданства на рубеже XVII–XVIII вв. получили проработку также в историко-юридической литературе, хотя в предшествующий период категория подданства рассматривались историками права преимущественно на материале XVIII–XIX вв. Трансформировалась и исследовательская повестка в изучении процессов инкорпорации народов Урала и Сибири в состав Российского государства: реализуются источниковедческие,

историко-юридические и историко-этнографические подходы к рассмотрению процессов политической коммуникации в регионе с концентрацией на договорных, дарообменных практиках, процедурах и правовых актах, фиксирующих подданническую связь сибирских иноземцев с российским монархом.¹

В историографии выработалась достаточная аргументация в пользу того, что институт подданства в Российском государстве начал формироваться с конца XVI — начала XVII в. и важнейшим инструментом установления и развития этого института была формализованная процедура приведения к присяге. Православное население России с начала XVII в. приводилось к крестному целованию, для неправославного населения была предусмотрена процедура шертования (приведение к присяге с использованием элементов вероисповедания присягнувшего). И, как справедливо отмечают историки, в процессе колонизации территории Сибири в XVI–XVII вв. шертование наряду с ясачным обложением и взятием аманатов стало одним из базовых элементов админис-

*Слугина Виктория Александровна — к.и.н., н.с., Институт истории СО РАН; ассистент, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
E-mail: slugina881@gmail.com*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-39-60006 «Модели договорных отношений в российской практике инкорпорации неправославного населения Урала, Поволжья и Сибири (XVI–XVIII в.)» (рук. В. А. Слугина)

¹ Подробнее об историографии см.: Слугина В. А. Вопросы политической инкорпорации народов Урала и Сибири в Российское государство в XVI–XVII вв.: новейшая отечественная историография // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов Междунар. молодеж. науч. шк.-конф. Новосибирск, 2020. С. 6–19.

тративной политики Российского государства по отношению к аборигенному населению.² Шертование являлось не только и даже не столько инструментом фиксации юридического статуса сибирских иноземцев (это реализовывалось также через установление форм повинности — ясачного обложения, военной службы), сколько идеологическим инструментом формирования лояльности местного населения к институтам российской власти.³ Очевидно, что такая лояльность не могла достигаться только военным принуждением и не появлялась одномоментно. Установление в сознании населения Сибири представления об их подданнической связи с российским монархом, олицетворявшим собой Российское государство в целом, было одним из базовых процессов длительной аккультурации.⁴ Этот процесс был итерационным (к присяге на подданство представителей этносоциальных элит Сибири приводили многократно, а суть устанавливаемых отношений публично оглашалась при каждой смене местного воеводы через декларацию определенных прав и милостей от государя — «жалованного слова») и сопровождался многочисленными конфликтами (не только военными, но и коммуникативными: иноземцы старались уклониться от присяги или прямо отказывались давать шерть). Эта сторона русско-аборигенной политической коммуникации XVII в. прослеживается через анализ распорядительной (царские указы сибирским воеводам, грамоты, извецавшие о смене российского монарха), отчетной (отчеты, отписки и челобитные воевод, служилых людей, челобитные и расспросные речи иноземцев) и учетной (шертовальные и крестоце-

ловальные книги) документации. Нормативные документы, отправляемые из Сибирского приказа, задавали определенный регламент проведения процедур пролонгации присяг и прямо указывали на необходимость повторных шертований, а документация, отправляемая из сибирских городов, достаточно подробно описывала обстоятельства исполнения/неисполнения этих указаний, причем через цитирование речей иноземцев доносились основания уклонения от шертования или причины нарушения сибирскими иноземцами формально взятых на себя обязательств подданства.

Целью статьи является характеристика практик и форм пролонгации подданнических (шертных) обязательств и выявление отношения к этим практикам со стороны субъектов политической коммуникации (сибирских иноземцев и представителей царской администрации). С опорой на результаты предшествующей историографии, подробно изучившей внешние и внутренние факторы, а также обстоятельства перехода различных народов Сибири «под высокую государеву руку», в настоящей работе акцент будет сделан на типологии практик повторных присяг народов Сибири, которые мы рассмотрим в качестве элементов конструирования и установления института подданства в Российском государстве в XVII в., определим функции этих процедур и их значение для обеих сторон политической коммуникации.

Разъяснения прав и обязанностей подданного

Уже с конца XVI в. в военно-фискальные административные функции сибирских воевод центральными властями была введена практика регулярного напоминания иноземцам об их политических обязательствах перед российским царем и его представителями. С 1599 г. вплоть до конца XVII в. в указы сибирским воеводам⁵ на занятие должности включался текст «жалованного слова».⁶ Эта статья наказа должна была публично оглашаться при смене воеводы в остроге небольшому числу специально приглашенных для этого князцов и «лучших людей» из проживавших

² См.: Шерстова Л. И. Восприятие русской власти аборигенами Сибири в XVII в.: евразийский (центральноазиатский) контекст // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 14; Первалова Е. В. Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями // Урал. ист. вестн. 2013. № 4 (41). С. 125; Конев А. Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI — начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 776.

³ См.: Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007. С. 134–139, 143–147, 158–159, 164–167; Шаблей П. С. Подданство в азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестн. Евразии. 2008. № 3. С. 108, 109, 117.

⁴ Проблема подданства российскому монарху и его восприятия кочевыми и полукочевыми народами урало-поволжских и центральноазиатских территорий Российской империи убедительно вписана в концепт аккультурации в коллективной монографии, см.: Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи). Оренбург, 2019. С. 6–8.

⁵ Эта статья отсутствовала в наказах европейским и казанским воеводам, хотя и встречалась формулировка «сказать» «государеву жалованье» / «государеву милость».

⁶ См.: Слутина В. А., Конев А. Ю. «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: к вопросу о происхождении и эволюции формулы // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: к 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 191.

поблизости иноземцев. Во время зачитывания «жалованного слова» воеводам и служилым людям требовалось быть в парадной одежде и держать оружие для «устрашения». После оглашения необходимо было устроить пиршество из «государевых запасов». В наказе особо акцентировалось, что процедура и сам текст обращения исходят лично от монарха, а не от воеводы. «Жалованное слово» для иноземцев также служило подтверждением их пребывания в «вечном холопстве» у московского царя.⁷ Благодаря «жалованному слову» в представления о подданстве помимо явной экономической зависимости включались и определенные политические права, «дарованные» сибирским иноземцам: гарантии проживания на своих территориях, обещания защиты как от «немирных» соседей, так и от злоупотреблений сибирской администрации. Непременным условием получения всех этих царских «милостей» являлось исполнение условий шерти — присяги, о чем в «жалованном слове» напрямую напоминалось иноземцам: «И они б... жили в его царском жалованье... служили и прямили во всем по своей шерти, на чем государю шерть дали».

«Жалованное слово» как нарратив получило широкое распространение в Сибири: воеводы вносили его положения в наказные памяти приказчикам и ясачным сборщикам⁸ и, судя по отпискам служилых людей, эти декларации в каком-то виде все же доводились до местного населения как при первых контактах («жалованным словом» и подарками прельщали и призывали в подданство новые роды), так и регулярно при сборе в остроге/городе или в ходе переговоров после «измены».⁹

Сами тексты присяг — шертовальные записи, вероятнее всего, разрабатывались параллельно с формулярами крестоцеловальных записей в конце XVI — начале XVII в. С 1605 г. формуляры шертовальных записей стали частью общегосударственной практики приведения всего населения России к присяге на верность российскому монарху: православное население приводилось к крестному

целованию в церквях, а неправославное население — к шерти в местах их проживания или по приглашению в русских городах. Текст присяги — шертовальная запись — был очень близок по содержанию к тексту русской присяги — крестоцеловальной записи.¹⁰ В обоих текстах раскрывались понятия службы и верности российскому монарху, описывался порядок несения военной службы, предписывалось не выступать против правящей династии и ее представителей «скопом» и «заговором» (эти понятия из текстов присяг были перенесены и развиты в статье Соборного уложения 1649 г. «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать»¹¹). Но важно отметить, что для иноземцев принесение присяги все же имело не то же самое значение, что для православного населения целование креста. Шертовальная запись была единственным формальным документом, связывающим сибирских иноземцев с Российским государством. В тексте присяги размечались политико-географические пределы Российского государства, внедрялась идея о классификации аборигенного населения Сибири на «своих» и «чужих» — «ясачных» и «неясачных», «мирных» и «немирных», «воровских». Приведенным к шерти предписывалось действовать совместно с русскими служилыми людьми против соплеменников, если они «изменили». Таким образом транслировалась идея верховенства государственной идентичности (принадлежности к подданным — «государевым людям») над другими этнополитическими идентичностями и традициями аборигенного населения Сибири.

На протяжении XVI — начала XVIII в. царская администрация в коммуникации с сибирскими иноземцами синтезирует, объединяет и пересказывает, расставляя необходимые акценты, основные положения «жалованного слова» и текстов присяг. В сознании иноземцев это сочетание декларативной заботы монарха, даруемой взамен установления политико-экономической зависимости, нередко трактовалось как установление взаимных обязательств между монархом и его подданными, то есть договорных отношений.¹²

⁷ См.: Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI—XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 247; Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XIX в.). Якутск, 1978. С. 15–17.

⁸ См., например: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4; Ф. 1177. Оп. 3. Д. 2339. Л. 24–26; Д. 2587. Л. 32–35.

⁹ См.: Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 154, 155; Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 180, 198; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 303–308.

¹⁰ См.: Зуев А. С., Слугина В. А. «Служите мне, государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу». Русская присяга и шертовальная запись середины XVII в. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 183–189.

¹¹ См.: Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 93, 94.

¹² См.: Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010.

Практики пролонгации подданства народов Сибири

Озабоченная проблемой подчинения иноземцев, обитавших в Сибири и на ее рубежах, российская власть стремилась определить те ситуации в русско-аборигенных отношениях, которые вызывали необходимость шертования и/или апелляции к шертным обязательствам. На основании анализа делопроизводственных документов удалось выявить следующий набор систематически используемых практик пролонгации подданных обязательств, применявшихся в Сибири XVII в.: 1) шертование «всех иноземцев» по случаю смены российского монарха; 2) шертование при смене правителя этнополитического объединения — новый вождь, а также его ближайшее окружение должны были дать согласие на сохранение своего подданства царю «по примеру предков» (эта практика имела место во взаимоотношениях России с кочевыми народами);¹³ 3) повторное приведение иноземцев к присяге после их «измен» и восстаний («возвращение» в подданство). Помимо трех выделенных принципов пролонгации шертных обязательств, российская сторона успешно сочетала шертование с институтом аманатства. Захват аманатов из числа «лучших людей» иноземцев вынуждал их родственников приезжать в русский город, выплачивать ясак и давать шерть.¹⁴ Сами аманаты также приводились к присяге.¹⁵

Смысл процедуры приведения сибирских иноземцев к шерти по случаю смены царствующей персоны очевиден: необходимо было известить иноземцев о смене монарха и закрепить в их сознании постоянство («вечность») нахождения в русском подданстве. Кроме того, как минимум со второй половины XVII в. именно через форму пролонгации подданных обязательств российская власть стремилась вести учет ясачных иноземцев, записывая в шертовальные книги имена приведенных к присяге.¹⁶ Процедурная составляющая присяги новому монарху была подробно

расписана в наказах сибирским воеводам: в острог необходимо было пригласить небольшое число князцов и «лучших людей», собрать их в съезжей избе и зачитать им текст шертовальной записи, образец которой специально рассылался из Сибирского приказа (допускалось использовать и «прежние» записи, актуализировав их), иноземцы также должны были подтвердить свои обязательства ритуальным действием «по своей вере». Затем в уезды необходимо было отправить служилых людей, чтобы они провели шертование на местах с фиксацией имен в шертовальных книгах, которые требовалось отправлять в Москву. В отличие от порядка обращения народов Сибири в «ясачных платежах» российскому государю, указы о проведении процедур пролонгации присяги новому монарху 1645–1646, 1676 и 1682 гг., отправленные из Москвы в сибирские уезды, не содержали требований выдавать иноземцам какие-либо подарки и жалование.¹⁷ Исключение, вероятно, делалось лишь в отношении тех, чья лояльность напрямую зависела от качества и количества подарков: в 1646 г. при шертовании Алексею Михайловичу томские служилые люди раздавали представителям киргизов, телеутов и орчаков подарки (сукно, мед, вино).¹⁸

Кочевые народы — алтайские телеуты и енисейские киргизы — рассматривали шертование новому монарху как акт пролонгации «союзного» договора между двумя правителями «государств», а не как акт подтверждения персонального подданства. Подобное представление проявлялось в аргументах, которые выдвигали телеутские и киргизские князцы, чтобы отказаться от личного шертования новому монарху. В 1647 г. в ответ на требование дать новую шерть на верность царю Алексею Михайловичу телеутский князец Кока сослался на шертование его послов, а киргизский князец Бехтен сказал, что он шертовал Михайлу Федоровичу всея Руси и готов служить «по той же шерти до своей смерти».¹⁹ В ответ на этот отказ из Сибирского приказа поступило распоряжение направить к князцам в улусы служилых людей и убедить их принять присягу, обещая взамен «царское жалование» и защиту от «недругов».²⁰ Для исполнения наказа в марте 1648 г. в киргизские улусы князцов

С. 67. См. также: Боронин О. В. Двояданничество в Сибири XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. С. 49, 50; Дополнения к актам историческим (ДАИ). СПб., 1867. Т. 10. С. 351.

¹³ См.: Khodarkovsky M. Where two Worlds met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London, 1992. P. 71.

¹⁴ См.: Сборник документов по истории Бурятии... С. 40, 41, 49.

¹⁵ См.: Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сб. документов. Л., 1936. С. 9, 231; Сборник документов по истории Бурятии... С. 53; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 249.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 55–256.

¹⁷ Там же. Стб. 137. Л. 233–244; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 153об.–156; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 31–32; Ф. 1121. Оп. 2. Д. 96. Л. 1–6.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 118, 124, 126, 147–150, 153.

¹⁹ Там же. Л. 158–159.

²⁰ Там же. Л. 160.

Бехтеня и Сенжи были отправлены томский сын боярский Степан Греченин и чатский мурза Бурлак Акулин. При разговоре со служилыми людьми князцы сослались на шертование Алексею Михайловичу их родственников и заверили, что не планируют изменять данной ранее шерти: «...дурна никакова не учинили, и впредь не думаем».²¹ В ответ на это служилые люди поясняли, что новая присяга нужна «для лутчие веры и укрепления» и царь за шертование, «видя их правду и раденье», выделит им жалование. Обещание государских подарков повлияло на позицию Бехтеня и Сенжи. В итоге они согласились шертовать и удостоверили свою присягу обрядом «питья золота».²²

Аргументы, изложенные киргизскими князцами, демонстрируют попытку избежать процедуры принятия на себя личных обязательств перед российским монархом. Киргизы ссылались на предшествующие присяги, которые считались, по их мнению, действительными вследствие отсутствия военных столкновений.

Практика пролонгации шерти, когда потомков призывали присягать по примеру предков, применялась в отношениях с южносибирскими кочевниками — телеутами и киргизами. Как и шертование новому монарху, эта процедура была необходима для предотвращения потенциальной измены новых правителей и для фиксации их личной лояльности российской власти. Российская сторона при проведении переговоров о шерти обязательно напоминала о бессрочной подвластности российскому государю и ссылалась на пример верной службы их предков. При этом служба предков выступала как некий образец лояльности, и верность «отцов» российскому монарху значительно преувеличивалась, поскольку фактически русско-телеутские и русско-киргизские отношения в XVII в. были преимущественно конфликтными. Напоминание о родовых традициях подданства могло реализовываться как в общих формулировках («И велели тем кыргызским князцам говорить всякими обычай, чтоб ему, великому государю, служили те князцы и были послушны по-прежнему, на чем деды и отцы их шертовали»),²³ так и конкретным упоминанием имен прародителей.²⁴

²¹ Там же. Л. 163.

²² Обычно это была водка или вино, в которые подсыпали порошка, наскобленного с золотого или бронзового предмета.

²³ Бутанаев В. Я. Указ. соч. С. 178; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 17.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49. Л. 181; Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 5.

В отношении других народов Сибири какой-либо четко артикулированной идейной аргументации в пользу отказа от пролонгации шертовальных — подданических обязательств новому монарху — нами выявлено не было. Даже в тех шертовальных книгах, в которых перечислялись имена или количество отсутствующих при шертовании иноземцев, в качестве причин отсутствия «у шерти» указывали факты нахождения населения на промыслах или переселения на «новые кочевья».²⁵ Можно предположить, что те народы, которые продолжительное время находились в ясачной зависимости, вполне лояльно относились к процедуре пролонгации шерти новому монарху, поскольку имели уже достаточный опыт общения с царской администрацией и ясачными сборщиками и им в принципе была знакома процедурная составляющая — торжественное оглашение «государевой» грамоты и фиксация имен в шертовальных книгах: аналогичным образом при смене воевод оглашалось «жалованное слово», а ясачных данников регулярно фиксировали поименно для составления ясачных книг. Сами служилые люди, проводившие шертование на местах, скорее всего, относились к этой процедуре предельно формально: через толмача зачитывали положения шертовальной записи собранным в волости иноземцам и затем просто записывали присутствующих (и родственников с их слов) в книги.

Практики возобновления подданства сибирских народов

Практика повторного приведения иноземцев к присяге после их «измен» и восстаний сложилась из типового предписания, содержащегося в наказах сибирским воеводам, — подавлять измены «ратным боем» и добиваться «добровольного» признания вины восставшими (в том числе благодаря давлению на них через аманатов).²⁶ После признания вины воеводы должны были огласить от имени царя прощение «измен» и повторно привести князцов «под высокую государеву руку» (иногда прямо упоминалась присяга-шерть). Этот принцип — организовывать военные походы для подавления возмущений, затем декларировать государево прощение и напоминать присяжные обязательства — транслировался воеводам и служилым людям, отправляемым

²⁵ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 172 об.–175, 256.

²⁶ См.: Кулешов В. А. Наказы сибирским воеводам в XVII веке: исторический очерк. Болград, 1894. С. 21.

для подавления конфликтов: «А велено их за измену войною пострастить с пощадою, чтоб они вперед в своих винах тебе, государю, добились челом, вину свою принесли и были бы под твоею государевою царскою высокою рукою по-прежнему в прямом холопстве на веки неотступны и покорны и не до конца разорены».²⁷

В литературе неоднократно обращалось внимание на размытость терминов «измена», «скоп», «заговор», «злой умысел», используемых как в Соборном уложении 1649 г., так и в административной и судебной практике XVII в.²⁸ Заметим также, что и в случае выступлений русского населения против представителей царской администрации в Сибири в политических делах о «слове и деле государевом» для подавления бунтов использовалась практика устрашения военным походом в сочетании с напоминанием о данной ранее присяге (крестоцеловании и шертовании).²⁹ В отношении сибирских служилых людей также фиксируется практика превентивного напоминания обязательств верной службы для предотвращения измен и бунтов. В 1685 г., реагируя на известия об измене якутских и албазинских казаков, Сибирский приказ направляет якутскому воеводе Матвею Кровкову распоряжение собрать всех служилых людей в приказной избе и зачитать им указ оставаться в верной службе. В этом указе служилым людям напоминаются положения крестоцеловальной записи и «жалованного слова»: дается отсылка к «давности» верной службы их отцов и их самих; напоминаются обязанности верно служить и исполнять приказы воевод, обещается выплата жалования за сообщения о бунтовщиках.³⁰ Городские восстания в европейской части Российского государства также фиксируют практику возобновления присяжных обязательств: старост и выборных людей Пскова при подавлении восстания в 1650 г. вынуждали признавать свою вину, взамен чего гарантировалось государево прощение. Отправленному для переговоров с псковичами епископу Рафаилу требовалось

добиться от зачинщиков признания вины и провести процедуру повторного крестного целования на верность Алексею Михайловичу.³¹ Таким образом, в XVII в. российские власти четко связывали политические выступления населения страны с клятвопреступлением — нарушением публично провозглашенных личных и коллективных обязательств перед российским монархом, закрепляемых крестоцелованием и шертью. Повторное принесение присяги уже после восстания означало для присягнувшего его возвращение в «прежнее» состояние «государева холопа» — подданного российского монарха — со всеми следовавшими из этого обязанностями и правами.

Во взаимоотношениях российской власти с народами Сибири в подавляющем большинстве случаев указанный выше принцип — смирение небольшим военным походом, последующее принесение «вины» представителями родоплеменных элит иноземцев и объявление новой присяги — действительно означал окончание преследований и возобновление прежних «мирных» ясачно-даннических отношений. Возвращение «под высокую государеву руку», по-видимому, могло происходить и без процедуры проведения шертования — достаточно было факта возобновления ясачного платежа бывшими изменниками. В челобитных, поданных тунгусами в Охотский острог в 1683 г.,³² прямо указывается на связь ясачного платежа с «государевым холопством»: «...пришел я холоп твой в Охотцкой острожек под твою великого государя царскую высокую руку с ясачным платежом в вечное холопство безменно».³³ В публичном признании прошлых «измен» сибирскими иноземцами было сразу несколько прагматических составляющих, осознаваемых обеими сторонами конфликта — русскими и иноземцами. Российская сторона посредством расспросов и допросов выясняла истинные причины восстаний (чаще всего это были злоупотребления служилых людей), выявляла зачинщиков, получала актуальную информацию о настроениях в ясачных волостях. Приносившие вину иноземцы, как правило, дополняли свои признательные речи различными просьбами — вернуть захваченных

²⁷ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в... С. 237.

²⁸ См.: Тельберг Г. Г. Указ. соч. С. 71–73, 93; Покровский Н. Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 57, 58; Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучав А. И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность). М., 2016. С. 45.

²⁹ См.: Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 40.

³⁰ См.: ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 349.

³¹ См.: Документы Земского собора 1650 г. // Исторический архив. 1958. № 5. С. 140, 141.

³² Челобитные подавались в 1683 г. представителями нескольких тунгусских родов, участвовавших в нападении на стольника Данилу Бибикина в 1680 г. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 2293. Л. 13–20.

³³ Там же. Л. 13.

русскими пленников и отогнанный скот, отпустить или заменить аманатов.

В выстраивании взаимодействия с кочевыми народами порубежных территорий, которые оказывали серьезное военное сопротивление и не платили регулярный ясак, представители царской администрации после успешных для русской стороны военных кампаний настойчиво требовали от представителей местных элит подтверждать шерть и лично (а не через представителей) присягать на верность российскому монарху. В историографии неоднократно обращалось внимание на случаи манипуляции подобной практикой царского прощения «измен» телеутами, енисейскими киргизами, бурятами: в случае военного поражения князцы с легкостью соглашались признать свою неправоту и присягнуть монарху, но, как только военно-политическая обстановка в регионе менялась, иноземцы переставали следовать условиям шерти.³⁴ Как и в случае пролонгации шертных обязательств при смене российского монарха, кочевые народы трактовали процедуру шертования после военных действий как возобновление «союзных» отношений. Шерть интерпретировалась ими как «мирный договор», фиксирующий прекращение военных действий и установление статуса-кво, который подразумевал определение территорий влияния, обмен пленными, возврат захваченного вооружения и имущества. Несмотря на то что формально шертование проводилось по типовым текстам шертовальных записей, в которых не содержалось никаких обязательств русской стороны, князцы телеутской и енисейской «землиц» за счет посольских переговоров и направляемых воеводам и в Москву писем доносили до русской стороны свои собственные условия сохранения мирных отношений.³⁵

«Изменами» в представлении российской стороны считались не только открытые военные столкновения, но и случаи нарушения обязательств сибирских иноземцев не уезжать в «немирные земли». Формальной изменой считалось даже ненамеренное нарушение этого обязательства. В отписке сына боярского Павла Шульгина из Нерчинска в Енисейск (1675) сообщается, что несколько родов бурят, плативших ясак в Нерчинский острог, были захвачены монголами, а после того как братских людей

удалось вернуть на прежнюю территорию проживания, их повторно привели к шерти.³⁶

Сибирские воеводы достаточно подробно описывали «сыски» причин и обстоятельств многочисленных измен иноземцев и информировали Сибирский приказ о принятых мерах, прося решений о мере наказания виновных. При этом, по-видимому, значительную роль в определении формы наказания имели как раз «добровольность» признания своей вины и оценка реального вреда, полученного русской стороной вследствие измены. В отписке томского воеводы О. Щербатова 1647 г., поданной в Сибирский приказ, пересказываются допросные речи захваченных в телеутских улусах и привезенных в Томск чатских татар Коштея и Иссечка. О. Щербатов в первом своем обращении напоминает им о нарушенном шертовании и спрашивает, почему за все годы проживания в телеутских улусах мурзы не попросили прощения за побег и к «государской милости не обратились».³⁷ После пыток мурзы признали свою вину и уверяли, что собирались приехать в Томск для шертования, однако были схвачены русскими служилыми людьми. На допросе захваченные татары неоднократно повторяли, что не договаривались о военном походе на русских с калмыками и не нападали на российские города и служилых людей. Другие чатские мурзы под предводительством мурзы Бурлака, вероятно, хорошо знали российский порядок обращения с «изменниками» и попросили отдать их вместе с их семьями и имуществом им на поруки. Воевода частично удовлетворил это челобитье: разрешил взять Коштея и Иссечка на поруки мурзе Бурлаку, а захваченное имущество и других пленников оставил у себя, ожидая царского указа.³⁸

В отдельных случаях, когда царская администрация сталкивалась с серьезным сопротивлением либо «измена» ясачных иноземцев происходила «спонтанно» (не были выяснены истинные причины конфликта), воеводы концентрировались на силовых (военных) методах подавления восстаний. В нормативно-распорядительных документах служилым людям предписывалось наносить максимальный урон «изменникам» и захватывать как можно большее число аманатов. Необходимость вступать

³⁴ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 107; Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 27; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 77–102.

³⁵ См.: Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII в. Абакан, 1995. С. 173, 174.

³⁶ См.: Акты исторические (АИ). СПб., 1842. Т. 4. С. 539, 540. Требование повторно приводить к присяге служилых людей по аналогичному поводу — после возвращения из другой страны — приводит Г. Г. Тельберг. См.: Тельберг Г. Г. Указ. соч. С. 74.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 197.

³⁸ Там же. Л. 205.

с ними в переговоры и приводить «изменников» к повторной присяге в этих документах не артикулировалась.³⁹

Рассмотренная выше типология апелляций к практике шертования и регламенты проведения процедур пролонгации и возобновления подданства народов Сибири российскому монарху демонстрируют стремление русской стороны закрепить в сознании иноземцев представления о вечном характере их подданства российскому монарху (вне зависимости от смены царствующей персоны). Этот процесс происходил параллельно с трансформацией функционального назначения процедуры шертования (понятия, изначально заимствованного у тюрков). На протяжении XVII в. шерть превращалась из временного договорного акта в полноценную присягу на верность по аналогии с крестоцелованием, практиковавшимся для православного населения, и порядок действий российских властей в отношении изменников — нарушивших шерть иноземцев — был во многом аналогичен порядку разбирательств с клятвopеступниками-православными. Процедура возобновления подданнических обязательств после нарушения условий предыдущей присяги («измены») была достаточно проста: сибирским иноземцам требовалось публично признать свою вину (устно в присутствии мест-

ного воеводы или через челобитье на имя царя) и дать новую шерть ровно на тех же условиях, что и в предыдущий раз. После этого российская сторона, как правило, прекращала военные действия и удовлетворяла челобитья иноземцев о выдаче пленных. Имея представления об этом регламенте, сибирские народы успешно использовали переговоры о шерти для прекращения военных столкновений с русскими. Ключевым отличием повторных присяг от условий вступления в подданство впервые было то, что при первом шертовании (или даже без него, а просто через платеж ясака) сибирские народы переходили из категории «немирных иноземцев» в категорию «государевых холопов», а повторные присяги лишь подтверждали этот статус, не давая возможности сибирским народам пересмотреть условия такого подданства. Вне зависимости от того, какую в конечном счете шерть-присягу давали князцы — вынужденную или добровольную, фиктивную или «прямую», — давали ли ее вообще (или просто выплачивали ясак и предоставляли аманатов), сам факт вступления сибирских иноземцев в коммуникацию с представителями царской администрации рассматривался российской стороной как акт обращения «ясачного холопа» (пусть даже и временно «изменившего») к российскому монарху.

Viktoriya A. Slugina

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS; Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: slugina881@gmail.com

PRACTICES OF OBLIGATING THE PEOPLES OF SIBERIA BY THE OATH OF ALLEGIANCE IN THE 17TH CENTURY

At the beginning of the 17th century, Russia's central government ordered the peoples of Siberia to swear oaths of allegiance (*shert'*). The oath text determines that the one who takes the oath becomes a subject of the Russian monarch. The government appealed to the oath in case of conflicts with the peoples of Siberia or for avoiding such conflicts in negotiations. The Siberian peoples had to renew their oath whenever the tsar changed (and the nomadic peoples of Siberia had to renew their oath whenever their leader changed as well). The government also called on the oath when replacing governors in Russian towns, for which it introduced a special procedure — the proclamation of the “grand sovereign word”, or when negotiating with “traitors” (participants of armed rebellions and escapes of Siberian natives from their lands to territories beyond the control of Russia's authorities). The return to peaceful conditions of coexistence was realized through renewing the oath. The author found that, by the second half of the 17th century, both sides of political communication — representatives of the tsarist administration and Siberian foreigners — have developed stable tactics regarding the procedures for the renewal of oaths, but they interpreted the meaning of the oaths in different ways.

Keywords: *oath, shert', citizenship, peoples of Siberia, 17th century*

³⁹ См., например: ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 351, 352.

REFERENCES

- Aguzarov T. K., Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. *Ugolovno-pravovyye problemy okhrany vlasti (istoriya i sovremennost')* [Criminal-legal problems of power protection (history and modernity)]. Moscow: Prospekt Publ., 2016. (in Russ.).
- Boronin O. V. *Dvoyedannichestvo v Sibiri XVII — 60-ye gg. XIX v.* [Double tribute in Siberia the 17th — 60s of the 19th century]. Barnaul: Azbuka Publ., 2002. (in Russ.).
- Butanaev V. Ya. *Istoriya vkhozhdeniya Khakassii (Khongoraya) v sostav Rossii* [The history of the entry of Khakassia (Khongorai) into Russia]. Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova Publ., 2007. (in Russ.).
- Fedorov M. M. *Pravovoye polozheniye narodov Vostochnoy Sibiri (XVII — nachalo XIX v.)* [Legal status of the peoples of Eastern Siberia (17th — early 19th century)]. Yakutsk: Kn. izd-vo Publ., 1978. (in Russ.).
- Imperskaya politika akkul'tratsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii)* [Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (on the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire)]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2019. (in Russ.).
- Khodarkovsky M. *Where two Worlds met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771*. Ithaca; London: Cornell university Press, 1992. (in English).
- Konev A. Yu. [The Phenomenon of “Foreigners”, Yasak and Gift Exchange: Peoples of the Volga Region, the Urals and Siberia in Russia in the late sixteenth and early eighteenth centuries]. *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde Review], 2019, vol. 7, no. 4, pp. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783 (in Russ.).
- Nikitin N. I. *Russkaya kolonizatsiya s drevneyshikh vremen do nachala XX veka (istoricheskiy obzor)* [Russian colonization from ancient times to the beginning of the 20th century (historical review)]. Moscow: Institut Rossiyskoy istorii RAN Publ., 2010. (in Russ.).
- Perevalova E. V. [Shert, “bear oath” and sabre dance]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2013, no. 4 (41), pp. 120–131. (in Russ.).
- Pokrovsky N. N. [Siberian materials of the 17th–18th centuries on the “word and deed of the sovereign” as a source on the history of social consciousness]. *Istochniki po istorii obshchestvennoy mysli i kul'tury epokhi pozdnego feodalizma* [Sources on the history of social thought and culture of the era of late feudalism]. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 1988, pp. 24–61. (in Russ.).
- Shablai P. S. [Citizenship in Asian Russia: historical meaning and political and legal conceptualization]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2008, no. 3, pp. 99–122. (in Russ.).
- Sherstova L. I. [Perceptions of the Russian power by aborigines in Siberia in the XVII century: Eurasian (Central Asian) context]. *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2013, no. 1, pp. 8–17. (in Russ.).
- Slugina V. A. [Political incorporation of the peoples of the Urals and Siberia into the Russian state in the 16th–17th centuries: the latest Russian historiography]. *Aktual'nyye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sb. materialov Mezhdunarod. molodezh. nauch. shkoly-konf.* [Proceedings of the International Youth School-Conference “Current Challenges of Historical Studies: Young Scholars’ Perspective”]. Novosibirsk: Novosibirskiy natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2020, pp. 6–19. DOI: 10.25205/978-5-4437-1110-2-6-19 (in Russ.).
- Slugina V. A., Konev A. Yu. [“Zhalovannoye slovo” in orders to Siberian governors: to the question of the origin and evolution of the form]. *Aktual'nyye problemy otechestvennoy istorii, istochnikovedeniya i arkhografii: K 90-letiyu N. N. Pokrovskogo* [Actual problems of national history, source studies and archeography: to the 90th anniversary of N. N. Pokrovsky]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2020, pp. 183–193. (in Russ.).
- Trepavlov V. V. *“Belyy tsar”*: obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. [“White Tsar”: the image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia in the 15th–18th centuries]. Moscow: Vost. lit. Publ., 2007. (in Russ.).
- Umansky A. P. *Teleuty i russkiye v XVII–XVIII vekakh* [Teleuts and Russians in the 17th–18th centuries]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-niye Publ., 1980. (in Russ.).
- Vershinin E. V. *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Russian colonization of Northwestern Siberia at the end of the 16th–17th centuries]. Ekaterinburg: Demidovskiy institut Publ., 2018. (in Russ.).
- Zalkind E. M. *Prisoyedineniye Buryatii k Rossii* [Accession of Buryatia to Russia]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo Publ., 1958. (in Russ.).
- Zuev A. S., Slugina V. A. [“Serve me, your sovereign the Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich”. Russian oath and shert record of the mid-17th century]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical archives], 2011, no. 2, pp. 183–189. (in Russ.).

Для цитирования: Слугина В. А. Практики установления присяжных обязательств народов Сибири в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 92–100. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-92-100.

For citation: Slugina V. A. Practices of obligating the peoples of Siberia by the oath of allegiance in the 17th century // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 92–100. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-92-100.